

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-264-280

Восток в творческом сознании Б. Волкова

Е. Н. Проскурина

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена образам и мотивам Востока в поэзии автора восточной эмиграции Бориса Волкова (1894, Екатеринбург – 1954, Сан-Франциско). Творчество этого поэта, писателя, публициста до сих пор не известно отечественному читателю, хотя при жизни он имел довольно широкую публикационную географию: от Харбина до Сан-Франциско. Однако произведения его никогда не переиздавались, а рукопись романа «Царство золотых будд» считается утерянной. К анализу привлечена книга стихов Волкова «В пыли чужих дорог», изданная в Берлине в 1934 г. Из четырех ее частей восточный колорит особенно отчетлив в первой. Отдельные произведения этой части составили объект исследования статьи. Выявлен автобиографический субстрат поэзии Волкова, показано пересечение мотивики и образности с поэтическим миром Гумилева. Исследовано влияние восточного мира, его философских учений на творческое мировоззрение Волкова. В его поэтическом мышлении ощутимы следы суфизма, ислама, философии Лао Цзы. Экзотические образы Китая, Монголии сплетаются замысловатым узором в первых циклах книги и встраиваются в изображаемые биографические обстоятельства, раздвигая их семантическую палитру. «Чужое» усиленно пытается сделаться «своим» на уровне философского отношения к миру и судьбе самого поэта. Ему близко поэтическое отношение жителей Востока к жизни и смерти, основанное на древних традициях и обычаях. В стихотворениях отражено смешение переживаний лирического героя, воина и скитальца, обретшего место в жизни в результате остросюжетного поединка с судьбой.

Ключевые слова

Борис Волков, книга стихов «В пыли чужих дорог», литература восточной эмиграции, поэтическая автобиография, восточная философия, культурный и литературный трансфер

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Проскурина Е. Н. Восток в творческом сознании Б. Волкова // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1. С. 264–280. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-264-280

© Е. Н. Проскурина, 2021

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

East in the Creative Mind of B. Volkov

E. N. Proskurina

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the images and motives of the East in the poetry of the author of the Eastern emigration Boris Volkov (1894, Ekaterinburg – 1954, San Francisco). The work of this poet, writer, publicist is still unknown to the domestic reader, although during his lifetime he had a fairly wide publication geography: from Harbin to San Francisco. However, his works were never reprinted, and the manuscript of the novel “The Kingdom of the Golden Buddhas” is considered lost. The analysis involved Volkov’s book of poems “In the dust of foreign roads”, published in Berlin in 1934. Of its four parts, the oriental flavor is especially distinct in the first. Individual works of this part constituted the object of study of this article. The autobiographical substrate of Volkov’s poetry is revealed, the intersection of motives and imagery with the poetic world of Gumilyov is shown. The influence of the Eastern world, its philosophical teachings on the creative worldview of Volkov is investigated. In his poetic thinking, traces of Sufism, Islam, and the philosophy of Lao Tzu are palpable. Exotic images of China and Mongolia weave an intricate pattern in the first cycles of the book, integrating into the depicted biographical circumstances and expanding their semantic palette. “Alien” is trying hard to become “ours” at the level of a philosophical attitude to the world and the fate of the poet himself. He is close to the poetic attitude of the inhabitants of the East to life and death, based on ancient traditions and customs. The poems reflect the confusion of the experiences of the lyrical hero, warrior and wanderer, who has found a place in life as a result of an action-packed duel with fate.

Keywords

Boris Volkov, the book of poems “In the dust of foreign roads”, literature of the Eastern emigration, poetic autobiography, Eastern philosophy, cultural and literary transfer

Acknowledgments

Research is financially supported by the grant of Russian Science Foundation no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”

For citation

Proskurina E. N. East in the Creative Mind of B. Volkov. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 264–280. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-264-280

Если литературные имена западного зарубежья первой эмиграционной волны получили уже довольно широкую известность в современной России, то персоналии восточной эмиграции по большей части либо малоизвестны, либо не известны совсем. К таким неизвестным литературным именам русского Китая относится Борис Николаевич Волков (1894, Екатеринбург – 1954, Сан-Франциско) – поэт, прозаик, публицист. В библиографических справках о нем приведены лишь скудные сведения. Известно, что он был участником Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. После Октябрьской революции 1917 г. воевал на стороне Белой армии в Иркутске, но в 1919 г. после падения правительства Колчака перешел монгольскую границу. В 1923 г. через Китай эмигрировал в США, где в 1929 г.

получил американское гражданство. Первым браком был женат на Е. П. Витте, дочери барона П. А. Витте – бывшего императорского советника при монгольском правительстве. Умер Волков от травм, полученных в автомобильной катастрофе, в которой погибла его вторая жена В. В. Townley¹.

Волков имел довольно широкую публикационную географию: в американском сборнике «Дымный след» (Сан-Франциско), шанхайском альманахе «Врата», «Калифорнийском альманахе» (Сан-Франциско), «Земле Колумба» (Сан-Франциско), «У Золотых Ворот» (Сан-Франциско), в журналах «Рубеж» (Харбин), «Феникс» (Шанхай), «Вольная Сибирь» (Прага), «Москва» (Чикаго), «Русские записки» (Париж), «Возрождение» (Париж). В 1934 г. в Берлине вышла его единственная книга стихов «В пыли чужих дорог». Волков подготовил на двух языках – русском и английском – издание автобиографического романа «Царство золотых будд». Однако публикация так и не состоялась по неизвестным причинам. В журнале «Вольная Сибирь» за 1929 г. роман анонсировался как выходящий из печати. Здесь приведены «сочувственные отзывы», опубликованные в крупных американских газетах «Окленд трибьюн», «Экзаминер»: «Эта книга, о которой профессор Калифорнийского университета (отдел славянских языков) Александр Каун отзывается как о труде одновременно научно, художественном и более захватывающем, чем роман»; «...то, что пережили Волковы, зачаровывает. Сцены, которые они видели, столь ужасны и кровавы, их бегство из Монголии столь чудесно, что будущий читатель их книги, захваченный рассказом, невольно содрогнется... Через бесконечные степи страны, превышающей в пять раз Францию, Живой бог, сумасшедший барон Унгерн фон Штернберг, монгольские бандиты, московские комиссары, тибетские монахи, американские авантюристы, русские беженцы и преследуемые евреи, – все это было снесено и сжато ветрами: красным вихрем, несущимся из Москвы, и раскаленным до бела – откуда-то со стороны Гобийских пустынь» (Вольная Сибирь, 1929, с. 112–113). Из этих отзывов следует, что их авторы были знакомы с полным текстом романа. Английский вариант под заглавием «Conscript to Paradise» хранится в Гуверовском архиве, где в описи материалов указано наличие цифровой версии: «A digital version of Boris Volkov's "Conscript to Paradise." This version is important because the physical papers only contain partial and messy drafts, whereas this e-version looks to be prepared for publication. DOC is 461 pages» (Partial Register, p. 3). Уже в эмиграции в Америке Волков так писал о себе: «Чего я только в Америке не делал: шоколад, колбасные изделия, натирал полы, проводил дороги, строил дома, грузил и разгружал пароходы. Время остается мало, да и устаем мы изрядно. Писать книги – подвиг. И мне кажется иногда, что не хватит сил» (Вольная Сибирь, 1929, с. 112). Добавим к сказанному, что Волков был одним из организаторов Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско, просуществовавшего с 1927 по 1957 г. В «Новом историческом вестнике» за 2001 г. в специально посвященном этому объединению

¹ В антологии «Русская поэзия Китая» допущены неточности при изложении биографии Б. Волкова. Так, местом его рождения указан Екатеринослав, а первой женой названа не Е. П., а В. П. Витте, см.: (Русская поэзия Китая, 2001, с. 673–674). Уточнения получены нами от внучки Б. Волкова Веры Виннер, живущей в Сан-Франциско, за что мы приносим ей сердечную благодарность. Сведения о первой жене писателя подтверждаются и документами Гуверовского архива, где есть отдельная папка: «Folder 15. Volkov (Witte), Elena Petrovna» (Partial Register, p. 4).

обзоре он назван «наиболее одаренным поэтом» из всех участников кружка (Новый исторический вестник, 2001).

Вместе с тем приведенные краткие сведения скрывают за собой довольно драматическую судьбу Волкова, авантюрные повороты которой наиболее резко в период его службы в Белой армии. В это время будущий писатель занимал должность офицера по особым поручениям в восточном штабе Сибирского правительства, чем были определены его командировки в Восточную Сибирь и Монголию. Членства в Сибирском правительстве, ведшем борьбу против панмонгольского движения Унгерна, было для барона достаточно, чтобы приговорить Волкова к смерти. Чудом избежав расстрела, он бежал из Урги в Хайлар, где по горячим следам событий создал мемуарные тексты «Семеновские застенки (записки очевидца)» и «Об Унгерне (Из записной книжки белогвардейца)». Оба опубликованы в Харбине в 1921 г. «Семеновские застенки (записки очевидца)» подписаны псевдонимом *Даурец Н. П.* и вышли в харбинском издательстве «Маяк». Большая часть записок «Об Унгерне» издана в 1921 г. в харбинской газете «Новости жизни» (1921)². Отдельные фрагменты записок приведены в документальном романе Л. Юзефовича «Самодержец пустыни» (2010), посвященном барону Унгерну. Целиком воспоминания Волкова опубликованы в приложении к книге Б. Соколова «Барон Унгерн. Черный всадник» (Унгерниада, 2007). К этому же периоду относятся воспоминания Волкова «Взятие белыми Троицкосавска и события на русско-монгольской границе (1918–1919 г.)», авторизованная машинопись которых хранится в Гуверовском архиве.

Обращение современных авторов к воспоминаниям об Унгерне показывает, что интерес к личности Волкова активизировался в последние годы в связи с его воспоминаниями о «черном» бароне, личность которого до сих пор притягивает своей предельной контрастностью. У самого Волкова отношение к Унгерну было однозначным. Практически целиком посвятив свои записки «кошмарным кровавым» расправам Унгерна и его сподручных над пленными офицерами, местными жителями и их семьями, своей целью он ставил, помимо прямого свидетельства об описываемых кровавых событиях, сохранение в памяти образа барона как пример «атаманизма», явившегося, с его точки зрения, одной из основных причин поражения Белой армии в Сибири.

Первое знакомство отечественного читателя с Волковым-поэтом связано с выходом в 2001 г. антологии «Русская поэзия Китая», где представлена достаточно объемная подборка его стихов. О таланте Волкова-прозаика можно судить по фрагментам его романа «Царство золотых будд», которые нами обнаружены в журналах «Врата» и «Русские записки». Так, во «Вратах» опубликован рассказ «Потомок Чингис-хана» (Врата, 1935); в «Русских записках» издан рассказ «Степной Ворон» (Русские записки, 1937). Оба рассказа отражают автобиографические события, связанные с периодом Гражданской войны. В рассказе «Степной Ворон» изображен один из переходов героя-повествователя из России в Монголию, биографически соотносящийся со временем службы Волкова в Сибирском правительстве. В «Потомке Чингис-хана» – история неудавшегося побега автора-по-

² Места хранения издания: ГАРФ; Национальная библиотека Чешской Республики, Прага. URL: https://aleph.nkp.cz/F/?func=direct&doc_number=000027442&local_base=SLK (дата обращения 25.04.2021).

вестователя из Монголии в Китай. Однако центр сюжета обоих произведений составляет экзотический мир Монголии, колоритные образы ее обитателей. В «Степном Вороне» это образы проводника-монгола по кличке Степной Ворон и его юной дочери с поэтичным именем Мюсень-гюрель, в «Потомке Чингис-хана» – образы «благородного Намсарая» и старого мудрого ламы, а также некоторых эпизодических персонажей, расширяющих контекстуальное поле сюжета. Знакомясь с чужой страной, автор познает мудрое и поэтичное отношение ее насельников к миру, к жизни и смерти, проникается ее экзотикой, древними традициями и обычаями (подробнее об этом см.: [Проскурина, 2020]).

Насколько глубоко вошла тема Востока в сознание Волкова, можно судить по его книге стихов «В пыли чужих дорог», первое название которой было «Реестр моих переживаний» (Вольная Сибирь, 1929, с. 113). Главный смысл книги выражен в эпиграфе, воспроизводящем слова Лао Цзы: «Справедливость и человеколюбие нынешнего времени – пустые звуки: они служат прикрытием жестокости и тревожат сердца людей» (Волков, 1934). По свидетельству самого автора, большая часть сборника к моменту его выхода была опубликована в периодических изданиях Китая и Америки в период с 1921 по 1933 г. Так, открывающий книгу цикл «Пути Чингис-хана» впервые издан в 1925 г. в альманахе «Дымный след», помещенный вслед за ним цикл «Мессер Марко Поло» вышел в «Калифорнийском альманахе» в том же 1934 г., что и книга стихов. Однако сгруппированный под одной обложкой весь стихотворный корпус, в большинстве разделенный на циклы, представляет цельный текст, в котором ощутимо движение авторской мысли как на структурном уровне: делении на части, разделы и подразделы, так и на тематическом, сюжетном, мотивном. В динамических отношениях между прошлым и настоящим прошлому уделено гораздо больше творческого внимания. Автобиографическая доминанта отчетливо слышна в первом названии сборника: в стихотворениях отражено смешение переживаний лирического героя, воина и скитальца, обретшего место в жизни в результате остросюжетного поединка с судьбой.

В книге четыре части. Первая названа «В яркой полосе» и имеет эпиграф из Омара Хайяма: «Не уходи в темнеющие дали. / Живи в короткой яркой полосе». Эта часть содержит циклы: «Пути Чингис-хана», «Мессер Марко Поло», «Партизаны», «Из цикла “Звездный караван-сарай”», «Из цикла “Дракон, пожирающий солнце”», «Проплывающие паруса», а также два не входящих в циклы стихотворения «Гобийские пески» и «Н. Гумилев». Как видно по самим названиям, эта часть предельно насыщена восточным колоритом. Симптоматично, что поэт завершает ее посвящением Гумилеву, поэтический мир которого оказался ему близок многими аспектами: путешествиями по экзотическим странам, восточной мотивикой, образами новых земель, забытых миров, курганов и песков... Есть и биографические сближения в судьбах двух поэтов: оба участники Первой мировой войны, награжденные Георгиевскими крестами за храбрость. У обоих служба в армии была связана с чрезвычайными обстоятельствами: Гумилев служил во взводе конной разведки, Волков – офицером по особым поручениям, также предполагавшим разведывательные действия. В связи с этим можно заключить, что образ Гумилева стал близок Волкову своим воинским пафосом преодоления жизненных треволнений. В стихотворении «Н. Гумилев» фигурой сближения выступает Петр Первый – казалось бы, далекий от поэтического мира Гумилева, как,

впрочем, и от мира Волкова. Нет в стихотворении и образа самого Гумилева, именем которого оно названо. Однако в поэтических грезах лирического героя образ поэта-воина вписан в славную череду Петровских побед, сигнализируя единство судьбы Волкова и Гумилева в сфере *идеального*, контрастом чему оказалась реальная история России первых десятилетий XX в.:

Ах, пронзают сердца амуры,
И от грёз избавленья нет!
Помните ль вы гравюры
Петровских Больших побед?

В грохоте бранной Славы
Проходят года, звеня,
И всадник, вдруг, величавый
Вздыбил на ходу коня. <...>

Вверху развернулся свиток
Словами далёких лет,
И пьём мы хмельной напиток
Петровских Больших побед.

Солдаты в литературе
Дают и встречают бой.
И над ними плывёт в лазури
Облаков кучерявых строй
(Волков, 1934, с. 46).

В стихах Волкова переключки с поэтическим миром Гумилева мерцают в романтизированном изображении поднимающих якоря кораблей, борющихся со стихией смельчаков матросов, мимолетной портовой любви и др., а также восприятию Китая как жизненного причала: «Только в Китае мы якорь бросим, / Хоть на пути и встретим смерть» («Путешествие в Китай» (Николай Гумилев, 1991, с. 167)) – «Моя мечта – настойчиво, упрямо, / В Китай ведет верблюжий караван» («Путь в Катэй» (Волков, 1934, с. 29)). Диалог с Гумилевым ощутим уже на уровне названия двух стихотворений. Также вполне возможно, что именно от Гумилева Волков воспринял эпичность формы своих стихов, наблюдательность, преобладающую над лирической погруженностью в изображаемую картину:

Зардели безбрежные дали. Курганы
Задержал лиловый задумчивый флер.
Замкнули в железную цепь караваны
Одно из заглохших, засохших озер
(«Курганы»)
(Волков, 1934, с. 7).

Усиливают эти свойства используемые во всех четырех стихотворениях цикла «Пути Чингис-хана» трехстопные метры: в «Курганах» – амфибрахий, в «Степи», «Зорях», «Песках» – анапест, что придает звучанию раздумчивость, философичность. Не случайно считается, что трехсложные метры больше соответствуют русской речи соотношением ударных и безударных слогов, чем двусложные (см.: [Чернец, 2005]).

С тех времен, когда люди топором из нефрита
Убивали, сражаясь, в тьме зловонных пещер, –
Смерть героев далеких была также повита
Ароматом курений нам неведомых вер.

Может быть, в тонком слое попираемой пыли –
Их заветные мысли, стоны их матерей!
Может быть, эти люди никогда здесь не жили,
Или ныне на дне мы их бездонных морей.

<...>

Так и ты, и народ твой, и столетья, и эры
Могут в общем движеньи промелькнуть без следа,
И о павших героях, как о людях пещеры,
Ничего не узнают. Ничего. Никогда
(«Пески»
(Волков, 1934, с. 10).

Говоря о близости поэтического мира Волкова и поэзии Гумилева, следует отметить и существенное различие, касающееся истоков и источников творчества двух авторов. Экзотический мир в поэзию Гумилева, как и многих его современников, пришел через посредничество французских поэтов, видевших в культуре Востока новые ресурсы своего вдохновения, «средства для оживления» художественного языка [Петров, 2010, с. 10]. «Восприятие Востока у русских поэтов преломлялось через увлечение французскими “ориентальными” мотивами» [Куликова, 2015, с. 143]. Для Гумилева в его увлеченности «цветами далеких берегов» биографический интерес совпал с литературным, о чем можно судить по его «Африканскому дневнику», «Абиссинским песням», переводу «Малайских пантунов» Ш. Леконта де Лиля, поэтическому циклу «Шатер» и др. «География Гумилева-путешественника подчинена литературным принципам: пространство “собирается” из цитат, которые выдаются за “впечатления”, но в то же время остаются цитатами, отчего стихи обретают “картинность”, становятся “артистическими стихами”, не позволяющими забыть об условности того яркого мира, который создает поэт. <...> Так Гумилев “сочиняет” африканский мир, исследуя его как путешественник и как поэт» [Там же, с. 250–251].

Таким образом, «дальние берега» Гумилева – плод его природной тяги к путешествиям, в отличие от «чужих дорог» Волкова, исхоженность которых носит вынужденный характер³. Литературность, которой также не лишена поэзия Волкова («Путь в Катэй», цикл «Мессир Марко Поло» и др.), – производная от его реальных скитальческих впечатлений. Именно они составляют основу его поэтического мира, что придает стихам свойство лирического документа. Так, например, в примечании к стихотворению «Пески» Волков указывает, что стихи на-

³ Поэзия Гумилева была близка многим представителям восточной эмиграции. Причем поэтов старшего поколения, прошедших тропами войны (А. Ачаира, Арс. Несмелова и др.), привлекала не только поэтика, но в первую очередь сам образ Гумилева – поэта-«конквистадора». Поэты младшего поколения восприняли от него приемы акмеистической поэтики. Подробно см., например: [Забияко, 2007]. Однако творчество Б. Волкова не вошло в круг литературоведческих рефлексий, в том числе и в его связи с творчеством Гумилева, что достойно не одного специального исследования.

писаны в Монголии, в ставке Цецен-хана⁴. Этот правитель жил в XVII в. и погиб от руки своего брата (Записки ИРГО, 1887, с. 240–249). Несомненно, Волков знал об обстоятельствах смерти правителя Джунгарского ханства, что послужило поводом к его невеселым раздумьям, в центре которых мотивы смерти и забвения. От образов забытых «героев далеких» протягивается нить к судьбе самого автора и его поколения. «Пески» словно замыкают в круг рефлексии лирического героя, заявленные в первом стихотворении цикла – «Курганы», где доминантными являются те же мотивы забвения, смерти, к которым прибавляется мотив плача:

...О чем-то забытом рыдает тоскливо
Потомок забытых героев – монгол.

С ним ветер рыдает. Извечно и свято
Он крылья, как дух мятежа, распростер
Над степью, где смуглый наездник когда-то
Поддерживал ночью дозорный костер.

Там, в недрах, скелеты. И витязь, и слуги,
И жены, и кони... Их давит курган.
И вновь не зардеют на звеньях кольчуги
Священные капли сражений и ран.

Уйдут караваны, верблюд за верблюдом,
Как черные птицы, на алый восток
От странно-зеленого озера, чудом
Упавшего в серый, холодный песок
(«Курганы»)
(Волков, 1934, с. 7).

Интересно развертывание времени в этих двух стихотворениях, движущегося от истории в первом, «Курганах», к праистории в четвертом, «Песках». Если в первом довольно отчетлив восточный колорит, то в последнем он стерт. Это своего рода универсальная картина забытой истории человечества в целом, у которой есть трагическая возможность повторения. Не случайно в своих размышлениях поэт использует собирательное существительное «люди». Его голос звучит словно не с уровня земного бытия, а с позиции метаистории.

«Курганы» и «Пески» предстают обрамлением двум поэтическим зарисовкам. В первой, озаглавленной «Степь», чрезвычайно рельефная образная палитра, в центре которой – «бледный ирис», погибающий под ударом конских копыт. Жалость лирического героя к этому нежному созданию пронизывает все лирическое высказывание:

Бледный ирис так жалко! В дымке поднятой пыли
Никнет бархат лиловый под ударом копыт.
Наши кони устали, наши кони все в мыле,
И ковер изумрудный грызунами изрыт.

Вечер сходит на землю. Как хотел бы увлечь я
И тебя своей грустью!.. И умчаться с тобой!..

⁴ Пометы, относящиеся к месту создания произведений, не раз встречаются в книге стихов Волкова, что свидетельствует о важности для него топографического контекста творчества.

– Посмотрите, не правда-ль, это стадо овечье
На зеленом, – как волны, как далекий прибор?

Любопытные глазки – пара узких миндалин,
Провожают нас долго до сверкающих юрт.
Следом злобно несется в блеске желтых подпалин
Пес лохматый, оставив в кучу сбившийся гурт.

Я мечтаю о солнце, о стране, где Озирис
Для любви воскресает, исцеляясь от ран...
Грезит степь, засыпая, и поник бледный ирис.
Бледный ирис склонился на забытый курган.
(Волков, 1934, с. 8)

Стихотворение отличает яркость красок, живописность образного ряда вечерней степи: лиловый бархат ириса, бледнеющий «в дымке поднятой пыли», изумрудный цвет степной травы, на фоне которой движение овечьего стада преобразуется в волны морского прибоя, желтизна подпалин злобного пса, преследующего конный отряд, сверкающие на уходящем солнце далекие юрты. Однако эти краски символизируют не столько цветение мира, сколько его предсмертное величие. ореол смерти, окаймляющий образный ряд и словно материализованный в образе мертвого Озириса, придает элегическое звучание всему поэтическому целому. В онтологическом плане центральный образ бледного ириса становится символом хрупкости мира. Ему вторит образ забытого кургана в финале, служащий коррелятом образам забытых героев и забытых миров в стихотворениях «Курганы» и «Пески».

В стихотворении «Зори» запечатлена ситуация пробуждения конного отряда, в центре которой – микросюжет мимолетной встречи лирического героя с героиней, «степная сказка», в которую врываются разлучные военные обстоятельства.

И когда на востоке полосой зарделось,
Подумал с тревогой: – «Пора и мне» –
Было-б странно сказать вам, что сказать так хотелось –
О любви, о свободе и о весне.

Видеть только мгновенье, и знать, что быть может,
Унесет нашу встречу новых встреч поток...
У костра, за палаткой, грубый голос: «– Треножит
Кто коня так: Товарищ, а не ездок!».

О, степные сказки!.. Весна... И стремя,
Подавая, сказал вам: «– Где бы ни был, – я друг». –
Ночь прошла незаметно. Так летит это время,
И уже рассветает и все рдеет вокруг.

Сняли быстро палатки. Разобрав карабины,
Разъезжаются всадники. – До свиданья! Пора!
На песке умирают, догорая, рубины
Разведенного нами полевого костра.

Вы бросаете в воду вдруг мустанга-монгола.
Он храпит, нервно бьется, но спокойно идет,
В многоводном разливе спит усталая Тола.

И рябинки от всплеска –
Похожи на тонкий лед.
(Волков, 1934, с. 9)

Это стихотворение с разворачивающейся сюжетной ситуацией, построенной по принципу контрапункта. Романтическим грезам героя, его «степной сказке» противопоставлен военный быт, воспроизведенный через грубый оклик, вероятно, командира отряда: «Треножит кто коня так...». Причем, лишь одной репликой: «Товарищ, а не ездок!», – автор иронически разграничивает два враждующих мира. «Товарищ» как собирательный образ бойца Красной армии антитетически противопоставлен образу белогвардейца по шкале всадник-дилетант – истинный воин. Картина расставания поэтизирована редко используемым поэтом приемом метафоризации образов: догорающие угли костра ассоциируются с умирающими рубинами, а водная рябь – с тонким льдом. Оба метафорических образа становятся эмблемой недостижимости новой встречи героев. Сбитый такт жизни отмечен сбивающимся ритмом стиха, одновременно придающим повествовательность всему стихотворному целому: в первой строке три стопы анапеста сбивает отсутствующий безударный слог (вместо предполагаемого «полосою» поэт использует «полосой»), преобразующий анапест в ямб в последней стопе; вторая строка, начатая амфибрахием, также заканчивается двумя ямбическими стопами; в третьей появляется лишний безударный слог, логически разбивающий стих на два двустопника анапеста. В четвертую строку, открывающуюся двумя стопами анапеста, встроено «лишнее» ударение, падающее на союз «и», преобразующее последние две стопы в дактилические. Плавающий ритмический рисунок прослеживается и в остальных четверостишиях, последнее из которых графически разбито на пять строк, что наделяет финальный пуант акцентированно-драматическим звучанием.

Если в стихотворениях «Степи», «Пески» единый ритмический рисунок четырехстопного анапеста с повторяющимися цезурами придает им монотонное звучание, близкое к романскому⁵, то в «Зорях», основой которых также служит четырехстопный анапест, ритмические сбои создают лирическое напряжение, поэтически «удостоверяющее» несовпадение «степной сказки» с реальностью.

Таким образом, в каждом стихотворении цикла прослеживается завершенность лирической ситуации. Тот же принцип сохраняется и в границах всего цикла, где композиционная рамочность фиксирует итог разворачивающейся лирической линии сюжета. Начатая рефлексией над пейзажной картиной вечеряющих курганов, мысль лирического героя движется от истории в праисторию и далее к философии истории, завершаясь неутешительным выводом о полном забвении народов, столетий и эр. В эту картину тотальной утраты исторической памяти вписывается жизнь самого поэта, трудный опыт которой теряет ценность и смысл.

⁵ Возможно, на ритмику Волкова в «Путях Чингис-хана» повлиял певучий речитатив А. Вертинского. В дальнейшем этот ритмический рисунок встречается нечасто и связан с лирическими переживаниями поэтом своей военной биографии. Связь с ритмикой Вертинского находят исследователи также в поэтике представителя Русского Китая А. Ачаира (см.: [Капинос, Полторацкий, 2020, с. 146–147]).

В ракурсе литературности поэзии Волкова интересно первое стихотворение цикла «Мессер Марко Поло»: «В китайском павильоне». Сам цикл, состоящий из трех стихотворений, посвящен любовным мимолетностям Марко Поло. Эпиграф к циклу якобы взят из его «Путешествия», однако, на наш взгляд, представляет собой авторскую мистификацию. Сама фраза: «Теперь я расскажу вам о трех женщинах Марко Поло» (Волков, 1934, с. 11) стилизована под оригинал «Путешествия», где автор часто начинает новую историю словами «теперь расскажу вам». Однако в тексте ни разу не встречается фраза из эпиграфа, как нет в нем и трех любовных историй. Можно говорить лишь о первой истории, являющейся поэтической импровизацией на тему содержащейся в «Путешествии» краткой информации о сопровождении Марко Поло вместе с его отцом Николо и братом отца Маффео китайской принцессы Кокачин к ее жениху, персидскому правителю Аргону. «Когда же пришли к месту, то узнали, что Аргон умер, и невеста была выдана за Казана, его сына» (Поло, 2015, с. 13). Морское путешествие, однако, оказалось долгим и длилось двадцать один месяц. После завершения посольской миссии настал момент расставания Марко Поло и его спутников с принцессой. «Кокачина, жена Казана, что теперь царствует, и, сказать правду, так и сам Казан полюбили послов так, что нет того, чего бы оба не сделали для них, как для родных отцов. Когда три посла уходили домой и прощались, так королева на расставании горько плакала» (Поло, 2015, с. 13). Именно эта история легла в основу стихотворения «В китайском павильоне». Волков преобразует ее в любовную мимолетность Марко и Кокачин, давая героине поэтическое имя «Колокольчики» – возможно, из-за голубого цвета этого цветка: «Kök» означает «синий», а «chín» или «jín» – суффикс, используемый для имени человека. Так «Голубая принцесса», или «Голубка» в интерпретации поэта стала «Принцессой Колокольчики»:

Полюбил её бродяга и повеса,
Дом которого – «Земля под небесами»...
Ах, «Колокольчики» – маленькая принцесса
С такими суженными азиатскими глазами!

Принцесса «Колокольчики» – ещё совсем ребёнок,
Ей не исполнилось четырнадцати вёсен,
И для неё, как говорит поэт: «Звонок
Ветер, перебирающий струны сосен».

Гадает месяц в воде отражением,
Говорят о счастье храмовой завесы складки:
Для принцессы «Колокольчики» – всё полно значением
Какой-то жуткой и радостной загадки.

Как ребёнка, но страстно и грубо
Принцессу «Колокольчики» берёт на колени
И терзает поцелуем губы
Марко Поло – искатель приключений.

Сын расы – новой и полнокровной,
Не дающий, но взять всегда готовый, –
Для него столетья поступью ровной
Не проходят: «День его – день новый»...

Смуглую грудь прикрывает она руками,
Но разве оттолкнуть его – в её власти?
...И на Марко Поло глядят суженными глазами
Тысячелетья и провалы иной страсти
(Волков, 1934, с. 11).

Разностопность строф, колебания стихотворного метра, неточность рифмовки, анжамбеманы – все эти приемы усиливают повествовательность лирического высказывания, придают поэтической мысли свойство вольного течения. Одновременно такая организация стихотворного целого служит поэтической характеристикой героя – «бродяги и повесы», «сына расы – новой и полнокровной», для которого «столетья поступью ровной / Не проходят».

Лирический сюжет стихотворения построен по принципу контрапункта: слабости и силы, неискушенности и опыта, юности и зрелости, а в более крупном плане – двух во многом противоположных культурных кодов, противопоставленных как поэзия и проза. Предчувствиям и ожиданиям юной героиней загадочной, пугающей и одновременно манящей интриги любовного свидания, овеществленным в струнных звуках ветра, водных отражениях месяца, трепете складок храмовой завесы, резко антитетичны грубые, «терзающие» действия героя. На этом противостоянии строится динамика стихотворного сюжета, поддерживаемая динамизмом художественной формы.

Образ Марко Поло вновь появляется в стихотворении «Путь в Катэй», завершающем цикл «Звездный караван-сарай». Здесь Поло представлен как первопроходец, впервые «набросавший» путь в Китай, по которому «сквозь хаос времени, народов, стран» движется в своих мечтах лирический герой Волкова. Причем это в первую очередь духовный путь, разворачивающийся во времени не вперед, а вспять, к древней мудрости Лао Цзы:

От «Рубайят» изящного Хайяма
Сквозь хаос времени, народов, стран, –
Моя мечта – настойчиво, упрямо –
В Китай ведет верблюжий караван.

Зане – исполнятся предсказанные сроки,
Их не узнают мудрецы...
Есть удивительные строки
У Лао-Цзы
(Волков, 1934, с. 29).

Имя О. Хайяма появляется в этом стихотворении не случайно. Скитаясь по странам Азии и Востока, Волков не мог не впитать в себя мудрости этих стран, в том числе философии ислама. Ее максимы поэт неоднократно включает в свои стихи, как, например, в стихотворении «Чай-ханэ», имеющем подзаголовок «Курдистан»:

Рассказы о нас изустно
Переходят из рода в род...
А вечер нисходит грустно
И тихо... Который год?..

И отдыха – поздно иль рано, –
Узнаешь ты: – нет нигде,

«Даже в волнах тумана
На голубой звезде». –

Осыпана в воду роза.
В черной руке – кальян.
Сквозь ткань лепестков, – наркоза
Вдохнет голубой туман.

И молвит вдруг: – «Волей рока.
Вся жизнь наша – лишь ступень...
В дикой стране Пророка
Ложится Святая Тень...»
(Волков, 1934, с. 26).

Стихотворение имеет сложную сюжетную структуру. Из первых двух стоп не вполне понятно, от чьего лица ведется речь: от самого лирического героя или его имплицитного визави, образ которого вырисовывается в третьей стопе несколькими поэтическими мазками. Из кальянного тумана, словно мираж, возникает фигура философствующего собеседника, в речи которого узнается носитель духовной традиции ислама с его главной максимой предопределенности: «Святая Тень» Божества покрывает все мироздание. Однако мотив «воли рока» придает идее божественной предопределенности трагическое звучание – по аналогии с жанром древнегреческой трагедии с ее ведущей функцией рока в судьбе героя. Стихотворению «Долина смерти» поэт предпосылает эпиграф из произведений поэта-суфиста XIII в. Дж. Руми: «Проснись, взгляни, как мир бежит неугомонный. Пойми, что караван идет, – не отставай!» (Волков, 1934, с. 27). Мотивный образ каравана / караванного перехода – характерная деталь восточной поэзии, символизирующий движение жизни: «Как странно жизни караван проходит» (О. Хайям. Рубайт ⁶). В стихотворении Волкова контаминируется символическое и денотативное значение мотива:

Знай, неизведанные дали,
Что скроет сумрачный туман,
И мы, сожженные, искали,
Ведя в пустыни караван.

<...>

Затем, когда был здесь, в пустыне,
Настигнут вихрем караван, –
Лег на песке полоской синей
Со мною рядом – ятаган
(Волков, 1934, с. 27).

В заключительной строфе поэт акцентирует символическую функцию мотива включением в нее усеченной цитаты из эпиграфа, а также прописной «Р» в слове «Раздумий», наделяющей его высоким смыслом философской рефлексии:

Возьми клинок.
И в час Раздумий,
Вернувшись в свой далекий край, –

⁶ <http://www.lib.ru/HAJAM/hajam2.txt> (дата обращения 24.05.2021).

Прочтешь в тоске на нем, как Румий:
– «Проснись!.. Пойми!.. Не отставай!..»
(Волков, 1934, с. 28).

Тема скитания в книге стихов Волкова, на наш взгляд, также соединяет два плана: реальный и символический. Здесь вновь возникает аллюзия на поэзию Руми, символика мотива скитания в которой имеет своим истоком реальные обстоятельства. Известно, что его отец Баха ад-Дин Валад был вынужден бежать из родного города Вахш под угрозой монгольского нападения и после долгих странствий обосновался в Малой Азии. Впечатления скитальческой жизни нашли отражение в философской поэзии Руми, ядром которой стало учение суфизма. Почву для символического истолкования мотивов странствия, путешествия создает само учение о пути суфийского познания, называемом «тарикат» (т. е. «дорога», «путь»). В этом ключе образ тяжелого караванного перехода символизирует этап мистического самосовершенствования (подробнее об этом см.: [Рейснер, 1994]). Отзвуки подобного инициального перехода слышны в мотивной перекличке стихотворения Волкова:

И гроздь звезд...
Их путь отмечен
Жемчужной пылью в тьме веков.
И говорят оне: – «Ты вечен,
Как мы, – будь к вечности готов».

Что из того, что мы когда-то
Пришли к неведомой черте?
Вновь от Востока до Заката
Идем мы те же и не те.

И ты придешь...
(Волков, 1934, с. 27–28).

Ислам, суфизм, философия Лао Цзы – мотивы этих восточных учений сплетают экзотический узор в первых циклах книги «В пыли чужих дорог», встраиваясь в изображаемые биографические обстоятельства и раздвигая их семантическую палитру. «Чужое» усиленно пытается сделаться «своим» – на уровне философского отношения к миру и судьбе самого поэта. Однако щемящее чувство родины оставляет в его душе ничем не восполненный след, о чем можно судить по финальным строкам стихотворения «О желании есть лук»:

Конечно, – артишоки и в масле спаржа, –
Все это доступно здесь – «для средних рук».
Но, представьте:
Кама... плывет баржа,

Ломти черного хлеба, а на них тонко –
Белый
Лук...
(Волков, 1934, с. 56).

Стихотворение относится к американскому периоду жизни Волкова и притягивает к себе совсем иной поэтический ряд, в котором ностальгия по родине про-

явлена «вещными» маркерами. Первое приходящее на память – цветаевское «Но если по дороге – куст / Встает, особенно – рябина...» (Цветаева, 1994, с. 315), а также строчки И. Чиннова:

Но если случайно, сквозь тень и прохладу,
Два желудя мальчик несет на ладони,
Опять – южнорусский июль на исходе,
И будто по озеру или по саду,
Тревожная зыбь по забвенью проходит
(В Россию ветром строчки занесет, 2003, с. 308).

Однако это уже иной ракурс поэзии Б. Волкова, связанный с другими аспектами его литературного диалога, – тема, требующая отдельного исследования. Хотя и восточная тематика предполагает дальнейшее изучение, подступы к которому предприняты, но далеко не исчерпаны в данной работе.

Список литературы

Забияко А. А. Лирика «харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 480 с.

Капинос Е. В., Полторацкий И. С. Строфика А. Ачаира // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия. Проза. Свидетельства. М.: Алетейя, 2020. С. 138–156.

Куликова Е. Ю. «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2015. 272 с.

Петров М. А. Симультианность в искусстве. Культурные смыслы и парадоксы. М.: Индрик, 2010. 176 с.

Проскурина Е. Н. Борис Волков. Возвращение забытого имени // Филологический класс. 2020. № 4. С. 60–69.

Рейснер М. Л. Трансформация традиционных мотивов в поэтических произведениях Абдаллаха Ансари (XI в.) // Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность. М.: Наследие, 1994. С. 137–170.

Чернец Л. В. Стихование // Чернец Л. В., Семёнов В. Б., Скиба В. А. Школьный словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 2005. 191 с.

Список источников

Волков Б. В пыли чужих дорог. Берлин: Парабола, 1934. 176 с.

Вольная Сибирь. 1929. № 5.

Врата. 1935. № 2. С. 35–52.

В Россию ветром строчки занесет...: Поэты «парижской ноты». М.: Молодая гвардия, 2003. 375 с.

Записки ИРГО – Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1887. Т. 10, вып. 2: Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану Капитана от Артиллерии Ивана Унковского и Путевой журнал его за 1722–1724 годы. Документы, изданные с предисловием и примечаниями д. чл. Н. Ив. Веселовского. 276 с.

Николай Гумилев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 606 с.

Новости жизни. Харбин, 1921. № 189–191, 195, 196, 199, 201. 205, 207, 209.

- Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).
Поло М. Путешествие. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2015. 272 с.
Русская поэзия Китая. Антология. М.: Время, 2001. 720 с.
Русские записки. 1937. № 2. С. 99–113.
Унгерниада. Записки Б. Н. Волкова // Соколов Б. Барон Унгерн. Черный всадник. М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. С. 317–444.
Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. 591 с.
Partial Register of the Boris N. Volkov Papers, 1915–1963. Hoover Institution Archives 434 Galvez Mall Stanford University. Stanford, CA, 94305-6010 (650) 723-3563.

References

- Chernets L. V. Stikhovedeniye [Poetry]. In: Chernets L. V., Semonov V. B., Skiba V. A. Shkol'nyy slovar' literaturovedcheskikh terminov [School dictionary of literary terms]. Moscow, Prosveshcheniye, 2005, 191 p. (in Russ.)
Kapinos E. V., Poltoratskiy I. S. Strofica A. Achaira [Strophe of A. Achair]. In: Russkiy Kitay i Dal'niy Vostok. Poeziya, proza, svidetel'stva [Russian China and the Far East. Poetry, prose, testimony]. Collective monograph. St. Petersburg, Aleteyya, 2020, p. 138–156. (in Russ.)
Kulikova E. Yu. "Dal'niye nebesa" Nikolaya Gumileva: Poeziya. Proza. Perevody ["Distant Heavens" by Nikolai Gumilyov: Poetry. Prose. Translations]. Novosibirsk, Svin'in i synov'ya, 2015, 272 p. (in Russ.)
Petrov M. A. Simul'tannost' v iskusstve. Kul'turnyye smysly i paradoksy [Simultaneity in art. Cultural meanings and paradoxes]. Moscow, Indrik, 2010, 176 p. (in Russ.)
Proskurina E. N. Boris Volkov. Vozvrashcheniye zabytogo imeni [Boris Volkov. The return of a forgotten name]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2020, no. 4, p. 60–69. (in Russ.)
Reysner M. L. Transformatsiya traditsionnykh motivov v poeticheskikh proizvedeniyakh Abdallakha Ansari (XI v.) [Transformation of traditional motives in the poetic works of Abdallah Ansari (XI century)]. In: Poetika srednevekovykh literatur Vostoka. Traditsiya i tvorcheskaya individual'nost' [Poetics of medieval literatures of the East. Tradition and creative personality]. Moscow, Naslediye, 1994, p. 137–170. (in Russ.)
Zabiyako A. A. Lirika "kharbinskoy noty" kul'turnoye prostranstvo, khudozhestvennyye kontsepty, versifikatsionnaya poetika [Lyrics of the "Harbin Note" cultural space, artistic concepts, versification poetics]. Autoref. Diss. ... Doct. Philol. Sci. Moscow, 2007, 480 p. (in Russ.)

List of Sources

- Nikolay Gumilev. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 1991, 606 p. (in Russ.)
Novosti zhizni [Life news]. Kharbin, 1921, no. 189–191, 195, 196, 199, 201, 205, 207, 209. (in Russ.)
Novyy istoricheskiy vestnik [New Historical Bulletin], 2001, no. 3 (5). (in Russ.)
Partial Register of the Boris N. Volkov Papers, 1915–1963. – Hoover Institution Archives 434 Galvez Mall Stanford University Stanford, CA, 94305-6010 (650) 723-3563.

- Polo M. Puteshestviye [Travel]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo un-ta, 2015, 272 p. (in Russ.)
- Russkaya poeziya Kitaya. Antologiya [Russian poetry of China. Anthology]. Moscow, Vremya, 2001, 720 p. (in Russ.)
- Russkiye zapiski [Russian Notes], 1937, no. 2, p. 99–113. (in Russ.)
- Tsvetaeva M. Collection Works. In 7 vols. Moscow, Ellis Lak, 1994, vol. 2, 591 p. (in Russ.)
- Ungerniada. Zapiski B. N. Volkova [Ungerniada. Notes of B. N. Volkov]. In: Sokolov B. Baron Ungern. Chernyy vsadnik [Baron Ungern. Black horseman]. Moscow, AST-Press Kniga, 2007, p. 317–444. (in Russ.)
- V Rossiyu vetrom strochki zaneset... Poety parizhskoy noty [The wind will bring the lines to Russia... The poets of the Parisian note]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2003, 375 p. (in Russ.)
- Volkov B. V pyli chuzhikh dorog [In the dust of foreign roads]. Berlin, Parabola, 1934, 176 p. (in Russ.)
- Vol'naya Sibir' [Free Siberia], 1929, no. 5. (in Russ.)
- Vrata, 1935, no 2, p. 35–52. (in Russ.)
- Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1887, vol. 10, iss. 2, p. 240–249. (in Russ.)

Сведения об авторе

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
proskurina_elena@mail.ru
ORCID 0000-0003-2809-6780

Information about the Author

Elena N. Proskurina – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies of the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
proskurina_elena@mail.ru
ORCID 0000-0003-2809-6780